
Ада Кассель
Сорок дней чужой невесты
18+
Дом Ардейн. Книга 2

Ада Кассель

Сорок дней чужой невесты

«Автор»
2026

Кассель А.

Сорок дней чужой невесты / А. Кассель — «Автор», 2026

Меня вскрывали. Неправильно.Двенадцать лет я стояла над секционным столом — и впервые открыла глаза на нём. В чужом теле. В чужом мире. С ожогом от яда на губах.Инес де Альва, наследница юга, умерла в ночь своего обручения. Теперь Инес — это я. А её жених, капитан Рейнар Ардейн, уже хоронил одну невесту и поклялся, что больше ни одну не поведёт к алтарю.Плохая новость: без брачной клятвы чужое тело продержит меня ровно сорок дней.Новость похуже: моё отражение в зеркале уже начало отставать.Совсем плохая: этой свадьбы ждёт тот, кто меня отравил.У меня есть перегонный куб, костяной кот и тридцать восемь дней, чтобы найти убийцу.И не влюбиться в мужчину, который поклялся больше никогда не любить.В книге:— попаданка-токсиколог, которая расследует собственную смерть;— капитан с разбитым сердцем, который лезет под нож за других;— свадьба, которая может спасти или убить;— Вера, Кассиан и кот Пряник из первой книги;Вторая книга цикла «Дом Ардейн».

© Кассель А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неправильное вскрытие 6
Глава 2. Гранат 10
Глава 3. Дом Альва 13
Глава 4. Сорок дней 16
Глава 5. Апельсиновая водка 20
Глава 6. Дон Мигель 24
Глава 7. Капитан Сосулька 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ада Кассель
Сорок дней чужой невесты

Сорок дней чужой невесты
Ада Кассель

Глава 1. Неправильное вскрытие

День второй из сорока

Меня собирались вскрыть. И собирались неправильно.

Это я поняла раньше, чем открыла глаза. По звуку. Скрип кожаного фартука, звяканье металла о металл, сопение человека, который наклоняется над столом и не очень-то хочет это делать. Двенадцать лет в судебной экспертизе приучают узнавать такие звуки на слух, как мать узнаёт плач своего ребёнка.

А потом холодное лезвие легло мне на кожу под ключицей. Слева. И пошло вниз — под углом, наискосок, к грудине.

Так не режут. Так режут кур.

Я открыла глаза и схватила режущего за запястье.

Он заорал. Высоко, тонко, по-бабьи. Нож вылетел у него из пальцев и со звоном поскакал по каменному полу. Сам режущий отпрыгнул к стене, споткнулся о ведро и сел в него. В ведре, судя по запаху, было то, что обычно бывает в вёдрах возле секционных столов.

Я села.

Голова закружилась. Перед глазами поплыли жёлтые пятна. Я переждала, вцепившись руками в край стола, — каменного, холодного, с желобками для стока, — и огляделась.

Подвал. Низкие своды, белёные известью, в бурых потёках. Узкое окно под самым потолком, за ним — яркий, нестерпимо яркий солнечный свет. Вдоль стен — ещё три стола. На двух лежали тела под серой мешковиной. Пахло хлоркой, которой тут не было, и тем, что хлоркой обычно перебивают.

Мертвецкая. Ничего не перепутаешь. Хоть в Петербурге, хоть на Луне.

Только это был не Петербург.

— Святая Грань, святая Грань, святая Грань, — бормотал мужчина в ведре. Маленький, лысоватый, с жидкой бородкой и перепуганными глазами навыкате. Кожаный фартук поверх рубахи, закатанные рукава, на пальцах бурые пятна. — Изыди. Изыди, нечистая.

— Кто вас учил вскрывать? — спросила я.

Голос был не мой. Выше. Звонче. С каким-то певучим, тягучим акцентом, которого у меня отродясь не было.

Мужчина в ведре открыл рот и закрыл его.

— Вы режете под углом к грудине, — сказала я. — Так вы зацепите подключичную вену, и всё зальёт кровью. Если, конечно, тело свежее. А тело, судя по всему, очень свежее. Разрез делают от яремной вырезки вниз, по средней линии. Или Y-образный, от плеч. Это знает любой первокурсник.

— Я… я цирюльник, — пролепетал мужчина. — Мастер Фелипе. При госпитале святой Клары. Я пускаю кровь и рву зубы. Меня позвали, потому что лекарь в отъезде, а герцог велел… велел узнать, отчего умерла…

Он запнулся и посмотрел на меня, как смотрят на заговорившую табуретку.

— Отчего умерла кто? — спросила я.

— В-вы, ваша милость.

Я посмотрела на себя.

На мне было платье. Тёмно-зелёный бархат, тяжёлый, как одеяло. Золотое шитьё по корсажу и рукавам — листья, виноградные лозы, мелкие гранаты. Ни одной молнии. Ни одной бирки. Ни одного машинного шва. Корсаж был расшнурован и разрезан до пояса — видимо, мастер Фелипе начал с этого.

Руки. Тонкие, смуглые, с узкими запястьями и длинными пальцами. На безымянном пальце левой руки — тонкое золотое колечко с красным камнем. Ногти — овальные, ухожен-

ные, с бледной полоской лака. И у основания каждого ногтя — синяя полоса. Ровная, чернильная, как проведённая по линейке.

Я видела эти ногти вчера. На секционном столе в бюро на Екатерининском. Под лампой, в перчатках, с пинцетом в руке.

Я медленно подняла руку к лицу. Тронула нижнюю губу.

Ожог. Крошечный, с булавочную головку. Подсохший.

— Твою мать, — сказала я по-русски.

Мастер Фелипе в ведре зажмурился и снова забормотал про святую Грань.

* * *

Вчера — или когда это было? — мне позвонили в одиннадцать вечера.

Звонил Петрович. Санитар, ровесник нашего бюро, с прокуренными усами и вечным чайником. Он никогда не звонил мне домой. За шесть лет, что я работала токсикологом в бюро, он набрал мой номер ровно один раз — когда нашёл Соколову на полу в секционной.

Полгода назад.

Вера Соколова, эксперт-танатолог. Двадцать девять лет, двенадцать лет стажа, лучшие протоколы во всём бюро. Мы не дружили — она вообще ни с кем не дружила, — но я уважала её больше, чем кого-либо из коллег. Она потеряла сознание над неопознанным трупом молодой женщины. Остановка сердца. Реанимация, Мариинская больница, кома. Полгода — без изменений. А тело, над которым она упала, утром исчезло из холодильника. Просто исчезло. Замок цел, журнал в порядке, камеры ничего не показали. Нашему начальнику влепили выговор, дело тихо закрыли, все сделали вид, что так бывает.

Мне не давала покоя одна деталь из протокола. Соколова успела надиктовать на диктофон: «На нижней губе точечный ожог. Вокруг налёт неизвестного происхождения. Серебристый. Взять смыв».

Смыв никто не взял. Брать было не с чего.

А вчера Петрович позвонил и сказал срывающимся голосом:

— Наталья Сергеевна. Тут опять. Такая же. Вы бы приехали.

Я приехала. Девушка лет двадцати. Тёмные кудри, смуглая кожа, тонкие брови. Платье — тёмно-зелёный бархат, золотое шитьё вручную. Синие ногти полосой. Ожог на губе. Серебристая паутинка вокруг.

Я надела перчатки, очки, взяла пинцет и стеклянный бюкс для смыва. Наклонилась над губами мёртвой. Серебристая паутинка шевельнулась, как живая, и поползла по пинцету вверх, к моей руке.

Последнее, что я помню, — мигнувший свет. Холод в пальцах. И чьё-то лицо в тёмном стекле лампы — старое, бородатое, доброе. Улыбающееся.

* * *

— Как называется этот город? — спросила я мастера Фелипе.

Он к тому времени выбрался из ведра и стоял у стены, вжавшись в неё спиной, с распятием в руке. Распятие было странное — не крест, а две вертикальные черты, соединённые дугой. Ворота.

— Валенсора, ваша милость.

— Страна?

— Альмерия. Южная провинция королевства Вальдмарк.

Ни одно из этих слов мне ничего не говорило. Я кивнула, будто это была самая обычная информация, и спросила:

— А я кто?

Мастер Фелипе посмотрел на меня с ужасом.

— Вы… вы донья Инес де Альва, ваша милость. Дочь герцога Рамиро. Наследница Дома Альва. Вы умерли позавчера ночью. На собственном обручении.

— От чего?

— От сердечной слабости, ваша милость. Так сказали.

Я посмотрела на свои синие ногти.

— Кто сказал?

— Все, ваша милость.

— Все — это никто, — сказала я. — У сердечной слабости такого не бывает. Это отравление.

Он побелел ещё сильнее, хотя казалось, что сильнее некуда.

— Ваша милость, не говорите так. Ради всего святого. Если вы скажете это при герцоге…

Дверь мертвецкой распахнулась.

Солнечный свет ворвался в подвал широкой полосой, и в этой полосе, на пороге, стоял мужчина.

Высокий. Светлые волосы, выгоревшие почти до белизны, коротко остриженные. Загар — тёмный, южный, неуместный на северном лице. Синий мундир, расстёгнутый у горла, перевязь, сабля на боку. Лицо красивое той красотой, которую сами красавцы обычно не ценят, — правильное, открытое, с ямочкой на подбородке. И старый белый шрам поперёк этой ямочки.

Глаза — ярко-синие. Красные по краям, будто он не спал несколько суток.

Он смотрел на меня. На мою расшнурованную, разрезанную до пояса одежду, на мои руки, на то, как я сижу на секционном столе. Не испуганно. Не удивлённо. Так смотрит человек, который давно ждал удара и наконец его получил.

— Капитан Ардейн, — пискнул мастер Фелипе. — Капитан, она… она встала…

— Вижу, — сказал мужчина. Голос у него был хриплый, сорванный. — Выйдите, мастер.

— Но герцог велел…

— Выйдите.

Цирюльник выскочил из подвала так быстро, что забыл в ведре свою шапочку.

Мужчина вошёл. Закрыл за собой дверь. Полоса солнца исчезла, и подвал снова стал полутёмным и сырым. Он подошёл к столу — медленно, как подходят к раненому зверю. Остановился в шаге.

Снял с себя мундир и, не говоря ни слова, накинул мне на плечи. Мундир был тёплый и пах порохом, кожей и почему-то апельсинами.

Я запахнула его на груди. Посмотрела на мужчину снизу вверх.

— Спасибо.

— Не за что.

Он опустил взгляд на мои губы. На ожог. Потом на руки. На синие полосы у ногтей. Что-то дрогнуло у него в лице — будто он увидел привидение. Старое, знакомое привидение.

— Вдовий шёлк, — сказал он тихо. Не мне. Себе.

— Что?

Он не ответил. Поднял глаза. Синие, как море в полдень, и такие же непроницаемые.

— Сколько вам лет? — спросил он.

Вопрос был странный. Не «как вы себя чувствуете». Не «что вы помните». Не «вы узнаёте меня».

— Двадцать, — сказала я. — Наверное. Мне сказали, двадцать.

— Не этому телу, — сказал он. — Вам.

Я замерла.

Мы смотрели друг на друга в полутёмном подвале. Где-то наверху кричали чайки и звонил колокол. С улицы тянуло жарой, пылью, апельсинами и морем.

Можно было соврать. Сказать про туман в голове, про удар, про летаргический сон. Наверное, так и надо было сделать. Но я смотрела на этого человека с красными от бессонницы

глазами, который первым делом укрыл меня своим мундиром, а вторым — назвал яд, которого не знал ни один токсиколог в моём мире.

Он знал, что это за яд. Знал, что со мной не так.

Значит, он мог знать и то, как отсюда выбраться.

— Тридцать пять, — сказала я. — Меня зовут Наталья Громова. Я судебный химик. Токсиколог. Я работаю в бюро судебно-медицинской экспертизы в городе Санкт-Петербург. Вчера мне привезли тело этой девушки. Я дотронулась до яда на её губах. И очнулась здесь. На вашем столе. Под ножом у идиота, который режет людей, как кур.

Он не засмеялся. Не перекрестился воротами. Не схватился за саблю.

Он закрыл глаза. Медленно, очень медленно выдохнул. А потом сказал то, от чего у меня по спине прошёл холод:

— Опять.

— Что значит «опять»?

Он открыл глаза.

— Вы знаете женщину по имени Вера Соколова? — спросил капитан Ардейн.

Глава 2. Гранат

Рейнар. День второй из сорока

Я приехал в Альмерию, чтобы жить. Так велела Ориана.

Она сказала мне это на стене Чёрного Утёса, в ту ночь, когда рухнула Грань, — уже мёртвая, сотканная из винно-красного света, с ястребиными глазами и тёмными косами. Взяла меня за руку и сказала: «Живи, Рейнар. А если будешь всю жизнь носить мою записку на шее, я приду и дам тебе по шее».

И ушла. А я остался стоять с протянутой рукой, в которой ничего не было.

Я отдал записку Вере. Уехал на юг, как только отгуляли свадьбу кузена. Думал — солнце, море, апельсины, чужие лица, никто не знает, кто я такой. Думал, здесь будет легче.

Первые три месяца я пил. Не так, как пил в Чёрном Утёсе, — по-южному, медленно, красным вином на террасах, глядя на закат. Потом король прислал приказ: принять командование южной стражей при наместнике, герцоге Рамиро де Альва. Альмерия бурлила, местные дома грызлись между собой, а королю нужен был на юге свой человек. Человек с фамилией Ардейн, которую здесь боялись так же, как на севере.

Я принял. Служба — это тоже жизнь. Ориана, наверное, одобрила бы.

А месяц назад герцог де Альва пригласил меня к себе в кабинет, налил вина и сказал:

— У меня есть дочь, капитан. У вас есть фамилия. Королю нужен союз с югом. Мне нужен зять, которого будут бояться мои соседи. Подумайте.

Я подумал. Неделю. Потом написал Кассиану.

Кассиан ответил коротко, в своей манере: «Решай сам. Но если не хочешь — не надо. Хватит в нашем роду браков по жребию». А внизу, другим почерком, твёрдым и коротким, будто каждую букву вырезали ножом, была приписка: «Рейнар, если она тебе не нравится, не смей. Если нравится — смей. В. С.»

Инес де Альва мне не нравилась. Она была красива — тёмные кудри, янтарные глаза, смуглая кожа, смех, от которого оборачивались на улицах. И совершенно невыносима. Капризна, как кошка, надменна, как королева, и зла на весь мир за то, что отец продаёт её северному варвару, как племенную кобылу. На нашей первой встрече она демонстративно зевнула мне в лицо. На второй — назвала меня «капитан Сосулька». На третьей — бросила в меня апельсином.

Я поймал. Очистил. Съел. Она смотрела на меня так, будто я съел её любимую собаку.

Она мне не нравилась. Но я её понимал. Я тоже когда-то любил человека, которого мне не дали.

И я согласился. Потому что брак без любви — это тоже жизнь. Потому что так было нужно королю, Кассиану и Альмерии. Потому что за четыре месяца на юге я понял: если ничего не делать, можно утонуть в вине и закатах. А если что-то делать — можно хотя бы плыть.

* * *

Обручение в Альмерии проводят на гранате.

Это очень старый обычай, старше короны и старше святой Грани. Жених и невеста стоят в фамильной часовне перед алтарём. Жрец разрезает гранат пополам. Жених режет себе ладонь и роняет кровь на половину невесты. Невеста — на половину жениха. Потом каждый съедает по зерну с чужой кровью. Это не брак. Это половина клятвы. Её можно разорвать, если обе семьи согласятся. Через сорок дней — свадьба, и тогда клятву закрепляют полностью.

Я резал ладонь и думал о Чаше Ардейнов. О том, как Кассиан четыре раза подавал её невестам. О том, как пятый раз — Вере — он сам, своими губами, принёс ей яд.

Гранат — не чаша, говорил я себе. Это Альмерия, не Чёрный Утёс. Хейл далеко. Его ищут по всем дорогам королевства. Вдовий шёлк растёт только на земле с самой кромки Грани.

Я уронил кровь на её половину граната. Протянул ей.

Инес взяла. Посмотрела мне в глаза — с вызовом, со злостью, с чем-то ещё, чего я тогда не понял. Выковыряла ногтем одно зерно — тёмное, блестящее от моей крови. И положила в рот.

Чуть поморщилась. Совсем чуть-чуть. Будто зерно оказалось кислее, чем она ожидала.

Я подумал тогда: всё правильно. Ей противно. Мне тоже.

Утром её нашли в постели мёртвой.

* * *

Я не стал ждать, пока за мной придут. Пришёл сам.

Герцог де Альва встретил меня в кабинете. Он стоял у окна спиной ко мне, и плечи его были каменными.

— Говорят, Ардейны убивают своих невест, — сказал он, не оборачиваясь. — Я смеялся. Говорил, северные сказки, бабьи сплетни. Ваш кузен похоронил четырёх жён, но это же Чёрный Утёс, проклятое место, туман, мертвецы. А здесь — солнце. Здесь апельсины. Здесь мой дом.

— Я её не убивал, ваша светлость.

— Вы дали ей гранат.

— Я дал ей гранат, — согласился я. — Как велит обычай. А его кто-то отравил.

Он обернулся. Лицо у него было серое, старое. Под глазами набрякли мешки.

— Мой лекарь в отъезде, — сказал он. — Цирюльник из госпиталя святой Клары вскроет её сегодня. Если он найдёт яд, капитан, вы не выйдете из этого города живым. Мне плевать на короля, на вашу фамилию и на вашего кузена-некроманта. Мой сын, Диего, уже точит саблю. И я не стану его останавливать.

Я поклонился и ушёл.

Я пошёл в госпиталь святой Клары не затем, чтобы помешать вскрытию. Я пошёл, чтобы увидеть её губы.

Потому что если на губах окажется ожог с серебряной паутиной — значит, Хейл здесь. Значит, всё начинается снова. Значит, я опять опоздал на одну ночь.

А увидел её — живую. Сидящую на каменном столе в разрезанном платье. С синими ногтями. С ожогом на губе. И с таким выражением лица, будто весь мир вокруг неё — плохо оформленный протокол, а она его сейчас перепишет.

Я узнал это выражение. Я видел его у Веры, когда та вылезла из гроба и спросила, кто констатировал смерть.

* * *

— Вы знаете женщину по имени Вера Соколова? — спросил я.

Она — та, что сидела в теле Инес, — замерла. Мундир сполз с одного плеча. Глаза, янтарные глаза Инес, расширились. А потом сузились — быстро, остро, как у кошки, которая увидела мышь.

— Знаю, — сказала она медленно. — Она моя коллега. Эксперт-танатолог. Полгода назад она потеряла сознание над таким же трупом, как этот. И с тех пор лежит в коме в Мариинской больнице. — Пауза. — Откуда вы знаете её имя?

— Она здесь, — сказал я. — Полгода назад она очнулась в гробу на севере, в теле четвёртой невесты моего кузена. Сейчас она его жена. Герцогиня Ардейн. И она жива, здорова и выигрывает у него все споры.

Женщина в теле Инес молчала. Долго. Я видел, как у неё в голове щёлкают какие-то колёсики — быстро, чётко, без паники. Потом она выдохнула.

— Значит, это не галлюцинация, — сказала она. — И не посмертный бред угасающего мозга. Жаль. Я надеялась на бред. С бредом проще.

— Вам не страшно?

— Страшно, — сказала она спокойно. — У меня сейчас пульс за сто, ладони мокрые и тошнит. Это называется острая стрессовая реакция. Пройдёт. — Она посмотрела на меня. — А вам?

— Что — мне?

— Вам страшно? У вас руки трясутся.

Я посмотрел на свои руки. Они действительно тряслись.

Я спрятал их за спину.

— Слушайте меня внимательно, — сказал я. — Сейчас сюда придёт герцог. Ваш — то есть её — отец. Возможно, с сыном. Возможно, с жрецом. Вы ничего не помните. Ни как вас зовут, ни кто вы, ни что случилось. У вас туман в голове. Вам плохо. Если начнут задавать вопросы — падайте в обморок.

— Я не умею падать в обморок.

— Научитесь. — Я помолчал. — В Альмерии, донья, одержимых сжигают на площади перед собором. Святая стража здесь не такая сонная, как на севере. Если хоть кто-нибудь догадается, что в теле Инес де Альва сидит чужая душа, вас сожгут до того, как я успею сказать «Святая Грань».

Она посмотрела на меня очень внимательно.

— А вы? Вы не скажете?

— Нет.

— Почему?

Хороший вопрос. Я задал его себе сам — и не нашёл ответа. Сказал правду, которая была на поверхности:

— Потому что на ваших губах тот же яд, что убил женщину, которую я любил. И если вы та, кем я думаю, — вы единственная, кто может его прочитать.

Наверху, на лестнице, загрохотали сапоги. Много сапог. Голос — молодой, злой, срывающийся — кричал по-альмерийски что-то про сестру и про северную собаку.

Диего де Альва. Сын герцога. Он всё-таки наточил саблю.

Женщина в теле Инес посмотрела на дверь. Потом на меня.

— Наталья, — сказала она быстро. — Меня зовут Наталья Сергеевна. На всякий случай. Если меня всё-таки сожгут — чтобы хоть кто-нибудь знал.

— Рейнар, — сказал я. — Рейнар Ардейн. Ваш жених.

— Бывший, — уточнила она.

— Посмотрим, — сказал я.

Дверь распахнулась.

И Наталья Сергеевна Громова, судебный химик из города Санкт-Петербург, с безупречно рассчитанным слабым стоном закатила глаза и обмякла, соскальзывая со стола, — прямо на руки брату, ворвавшемуся в мертвецкую с обнажённой саблей.

Для человека, который не умеет падать в обморок, у неё отлично получилось.

Глава 3. Дом Альва

День второй из сорока

Дом Альва стоял на холме над Валенсорой, и с его террас город было видно целиком: белые стены, рыжие черепичные крыши, колокольни, узкие улицы, сбегающие к порту. Синее море. Синее небо. Апельсиновые деревья во дворах, пальмы вдоль набережной, бельё на верёвках между домами.

После петербургского ноября это было как удар солнцем по глазам.

Меня привезли в карете, в которой пахло ладаном и кожей. Всю дорогу я лежала с закрытыми глазами, головой на коленях пожилой женщины в чёрном. Женщина плакала, гладила меня по волосам и шептала по-альмерийски молитвы. Напротив сидел молодой человек с саблей на коленях и смотрел на меня так, будто ждал, что я сейчас превращусь в змею.

Я не превращалась. Я лежала и думала.

Думать в обмороке оказалось удобно. Никто не задаёт вопросов, все говорят при тебе, как при мебели. За полчаса дороги я узнала больше, чем узнала бы за неделю расспросов.

Женщина в чёрном — донья Пилар, дуэнья. Вырастила Инес с колыбели, после того как мать девочки умерла родами. Молодой человек с саблей — Диего, старший брат. Двадцать пять лет, капитан альмерийской гвардии, ненавидит Рейнара Ардейна, ненавидит северян вообще и, кажется, немного ненавидит сестру — за то, что та всегда была любимицей отца. Отец — дон Рамиро де Альва, герцог и наместник короля на юге. Он ехал верхом рядом с каретой и не сказал ни слова.

Рейнара в карету не пустили. Он скакал позади, с двумя своими людьми. Я слышала стук копыт его коня всю дорогу.

— Она не узнала меня, — сказал Диего где-то на середине пути. Тихо, сквозь зубы. — Когда открыла глаза. Посмотрела как на чужого.

— Она едва вернулась с того света, мальчик, — прошептала Пилар. — Дай ей время.

— Она посмотрела на Ардейна. Не на меня. Не на отца. На него.

— Она ни на кого не смотрела.

— Я видел, Пилар.

Внимательный мальчик, подумала я. Надо быть осторожнее.

* * *

Комната Инес оказалась огромной, светлой и совершенно невыносимой.

Розовый шёлк на стенах. Кровать под балдахином, на которой могли бы спать шестеро. Ковёр с павлинами. Туалетный столик, заставленный флаконами, баночками, шкатулками. Шкаф во всю стену, набитый платьями. Окна до пола, выходящие на балкон, а с балкона — вид на море. На подоконнике — клетка с маленькой жёлтой птичкой, которая при виде меня забилась в угол и замолчала.

И зеркало. Огромное, в золочёной раме, от пола до потолка.

Пилар уложила меня в постель, напоила чем-то тёплым с мёдом и корицей — я сделала вид, что пью, и вылила в цветочный горшок, пока она задёргивала шторы, — и села рядом, держа меня за руку.

Руки у неё были сухие, тёплые, в тонких кружевных перчатках без пальцев. Пахло от неё флёрдоранжем и чем-то сладким, пудровым.

— Девочка моя, — шептала она. — Девочка моя золотая. Святая Грань услышала мои молитвы.

— Я ничего не помню, — сказала я слабым голосом.

Это я придумала ещё в карете. Самая простая легенда, самая надёжная. В моём мире амнезию после клинической смерти никто бы не поставил под сомнение. Здесь, надеялась я, тоже.

— Ничего? — Пилар заглянула мне в лицо. — Совсем ничего, голубка?

— Как в тумане. Лица… знакомые. Но имён не помню. И что было — не помню.

— Обручение? Гранат? Капитана?

— Нет.

Что-то мелькнуло в её чёрных глазах. Облегчение? Тревога? Я не успела понять. Она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

— Ничего, — сказала она. — Ничего, голубка. Вспомнишь. А не вспомнишь — Пилар расскажет. Пилар всё знает.

* * *

Герцог пришёл вечером.

Он остановился в дверях, высокий, худой, седой, в чёрном камзоле, — и долго смотрел на меня. Я лежала, опираясь на подушки, и смотрела на него. У Инес были его глаза — янтарные, тёплые. Только у него они были холодными.

— Пилар, выйди, — сказал он.

Дуэнья ушла, шурша юбками. Герцог подошёл к кровати и сел на стул, где она сидела. Сложил руки на коленях. Пальцы у него были длинные, сильные, в перстнях.

— Ты меня не помнишь, — сказал он. Не спросил.

— Простите, — сказала я.

— Не извиняйся. Ты никогда не извинялась. Ни разу за двадцать лет. Не начинай сейчас, это пугает. — Он помолчал. — Лекарь вернётся через неделю. Он тебя осмотрит. Пока будешь лежать.

— Хорошо.

— «Хорошо», — повторил он с какой-то странной интонацией. — Инес де Альва говорит «хорошо». Святая Грань.

Он смотрел на меня. Я смотрела в одеяло, стараясь быть слабой, тихой, растерянной. Как, наверное, выглядела бы двадцатилетняя девушка, только что вернувшаяся с того света.

— Обручение не разорвано, — сказал он наконец. — Ты не умерла, значит, гранат съеден и клятва дана. Через сорок дней свадьба. Если только ты не скажешь мне сейчас, что хочешь её отменить.

Я подняла глаза.

— А я хотела? Раньше?

Герцог помолчал.

— Ты кричала об этом на весь дом месяц подряд, — сказал он. — Била посуду. Грозилась уйти в монастырь, сбежать в море, выпить яду. — Пауза. — Я думал, это просто слова.

Что-то в его голосе было такое, от чего мне стало не по себе. Не горе. Хуже. Вина.

— Вы думаете, я сама? — спросила я тихо. — Сама выпила?

Он не ответил. Встал. Постоял, глядя на меня сверху вниз.

— Капитан Ардейн утверждает, что тебя отравили, — сказал он. — Что яд был на гранате. Что он знает этот яд, потому что тот же самый убил невест его кузена. Мой сын утверждает, что капитан Ардейн лжёт, потому что сам тебя отравил. А мастер Фелипе из госпиталя святой Клары утверждает, что ты, лёжа на его столе, научила его правильно вскрывать покойников.

Я молчала.

— Мастер Фелипе — пьяница и трус, — продолжал герцог ровно. — Ему никто не поверит. Но он рассказал это половине Валенсоры, прежде чем я успел заткнуть ему рот. — Он

наклонился ко мне. — Отдыхай, Инес. И постарайся не учить больше никого вскрытию. В этом городе есть люди, которые очень внимательно слушают такие истории.

Он ушёл. Дверь закрылась.

Я выдохнула.

* * *

Когда стемнело и Пилар наконец уснула в кресле у моей кровати, похрапывая и сжимая в пальцах чётки, я встала.

Ноги держали плохо. Тело Инес было лёгким, гибким, моложе моего на пятнадцать лет — и совершенно чужим. Оно не знало, как я хожу. Не знало, как я стою. Я чувствовала его, как чувствуешь новую обувь: вроде впору, а всё равно жмёт.

Я подошла к зеркалу.

Из золочёной рамы на меня смотрела девушка в белой ночной сорочке. Тёмные кудри до лопаток, растрёпанные, густые. Смуглое узкое лицо. Брови тонкие, вразлёт. Губы — полные, капризные, с ямочкой в уголке. Глаза — огромные, янтарные, с длинными загнутыми ресницами.

Красавица. Избалованная, злая, несчастная красавица, которую продали замуж за северянина и которая грозилась выпить яду.

— Ну здравствуй, Инес, — сказала я.

Девушка в зеркале открыла рот.

На полсекунды позже, чем я.

Я замерла. Подняла руку. Девушка в зеркале подняла руку — с задержкой. Небольшой, едва заметной. Как в плохой видеосвязи, когда картинка запаздывает за звуком.

Я опустила руку. Девушка в зеркале опустила — позже.

Я наклонила голову. Она наклонила — позже.

Я стояла перед зеркалом, и по спине у меня ползли мурашки. Я токсиколог. Я не верю в мистику. Я верю в хроматографию, в масс-спектрометрию, в летальные дозы и период полувыведения. Но я видела то, что видела. Моё отражение не успевало за мной.

Будто тело и то, что в нём сидит, двигались с разной скоростью.

— Не смотрите туда долго.

Я обернулась так резко, что чуть не упала.

Балконная дверь была приоткрыта. Ветер колыхал занавеску. А на балконе, на перилах, сидел Рейнар Ардейн. В тёмной рубашке, без мундира, с растрёпанными светлыми волосами. Как он туда забрался — по стене, по плющу, по водосточной трубе, — я не представляла. Второй этаж. Внизу — каменная терраса.

— Вы с ума сошли? — прошипела я, косясь на храпящую Пилар.

— Немного, — согласился он. — Выйдите. Нам нужно поговорить. И не стойте перед зеркалом.

— Почему?

Он посмотрел на зеркало за моей спиной. Лицо его стало очень серьёзным.

— Потому что я знаю, что это значит, — сказал он тихо. — И у нас меньше времени, чем я думал.

Глава 4. Сорок дней

Ночь второго дня

Балкон выходил на море. Внизу, далеко, мерцали огни порта, качались на воде фонари рыбацких лодок. Пахло солью, цветущими апельсинами и нагретым за день камнем. Где-то в саду пела птица — длинно, переливчато, как флейта.

Рейнар сидел на перилах спиной к пропасти, свесив одну ногу внутрь, и курил. Тонкая тёмная сигара, тлеющий огонёк, сизый дымок, который ветер тут же уносил в сторону.

Я смотрела на сигару, и у меня сводило челюсть.

— Дайте, — сказала я.

Он удивлённо поднял брови.

— Инес не курила.

— Инес много чего не делала. — Я протянула руку. — Я бросила три года назад. С тех пор не курила ни разу. Ни на одном вскрытии, ни на одном выезде, ни после развода. Сегодня я умерла, очнулась в чужом теле на секционном столе и узнала, что мою коллегу полгода назад утащило сюда же. Сегодня можно.

Он молча достал из кармана рубашки вторую сигару, раскурил от своей и протянул мне.

Я затянулась. Закашлялась — лёгкие Инес не знали, что такое табак. Затянулась снова. Голова поплыла.

— Гадость, — сказала я с чувством.

— Островной табак, — сказал Рейнар. — Лучший в королевстве.

— Всё равно гадость. — Я затянулась в третий раз. — Говорите. Что с зеркалом?

Он помолчал. Посмотрел на меня сквозь дым.

— После того как Вера очнулась в теле Эвелины, — начал он, — мой кузен перерыл всю запретную библиотеку Чёрного Утёса. Ему не давал покоя один вопрос: почему она удержалась. Чужая душа в чужом теле. Тело должно было её отторгнуть, как отторгает чужую кровь. А оно приняло.

— И?

— Он нашёл ответ. Эвелина успела принести клятву крови. Брачную, полную, в часовне, над Чашей Ардейнов. Клятва связала её тело с родом, с Гранью и с Кассианом. Когда душа Эвелины ушла, тело осталось связанным. Оно держалось за клятву, как утопающий за верёвку. И Вера просто… заняла место. Клятва её удержала.

Я медленно выдохнула дым.

— А Инес не приносила полной клятвы.

— Только половину. На гранате. — Рейнар потёр подбородок, белый шрам на ямочке. — Кассиан писал мне об этом зимой. Просто так, между делом, в длинном письме о делах на Грани. Я тогда не придал значения. А сегодня вспомнил. Он нашёл в одной книге, очень старой, такую запись: «Душа, вошедшая в чужое тело без кровной клятвы, держится в нём сорок дней. Отражение её отстаёт от тела всё сильнее. На сороковой день отражение уходит из зеркала. А за ним уходит и душа».

— Куда?

— Неизвестно. Никуда. В Навь. На порог. — Он пожал плечами. — Книга не говорит.

Я стояла, держа в пальцах тлеющую сигару, и смотрела на море.

Сорок дней. Сегодня второй. Значит, тридцать восемь.

Странно, но мне не было страшно. Было… ясно. Как бывает ясно, когда наконец приходят результаты анализа, которых долго ждал. Пусть плохие — но конкретные. С цифрами. С этим можно работать.

— Значит, нужна полная клятва, — сказала я. — Брачная. Чтобы тело держалось.

— Да.

— С вами, — уточнила я. — Половину клятвы Инес принесла вам. Вторую половину можно принести только вам. Так?

Он молчал.

— Так? — повторила я.

— Так, — сказал он. Неохотно, будто это слово было горьким.

— То есть, чтобы не умереть, я должна за вас выйти.

— Да.

— Через сколько по обычаю у вас свадьба?

— Через сорок дней после обручения.

— Удобно, — сказала я. — Прямо день в день. Кто-то очень любит круглые даты.

Рейнар соскочил с перил. Подошёл ко мне — близко, слишком близко. Я почувствовала запах табака, апельсинов и чего-то горячего, южного, солнечного, впитавшегося в его кожу за месяцы на юге.

— Нет, — сказал он тихо.

— Что — нет?

— Я не поведу вас к алтарю.

— Простите?

— Вы не поняли, — сказал он. — Я уже женился бы на Инес. Я дал слово, я съел зерно с её кровью. Это политика, долг, обычай — что угодно. Это я бы вынес. — Он сжал челюсти. — Но кто-то отравил гранат. Тем же ядом, которым четыре года травили невест моего кузена. Тем же ядом, которым моя мать… — Он запнулся. — Тем же ядом, который убил девушку, которую я любил. И если этот кто-то хотел убить невесту на обручении, он придёт и на свадьбу. Он будет ждать у алтаря. И я опять подам ей чашу. Или гранат. Или поцелуй. Как Кассиан. Своими руками.

Он отступил на шаг.

— Нет, — повторил он. — Больше никогда. Ни одной невесты. Ни к одному алтарю.

Я смотрела на него. На сжатые кулаки, на красные от бессонницы глаза, на белый шрам на подбородке.

— А если без алтаря я умру через тридцать восемь дней? — спросила я спокойно.

Он вздрогнул. Будто я его ударила.

— Тогда мы найдём убийцу раньше, — сказал он. — За тридцать восемь дней. И тогда… тогда можно будет говорить о свадьбе.

— Удобно, — сказала я снова.

— Что?

— Вы сказали «мы».

Он помолчал. Потом криво усмехнулся. Впервые за весь вечер.

— Похоже, сказал.

* * *

Мы договорились быстро. Я привыкла договариваться с судьями, адвокатами и родственниками покойных — по сравнению с ними капитан Ардейн был ангелом кротости.

Пункт первый: обручение остаётся в силе. Публично мы жених и невеста. Это даёт ему право находиться рядом со мной, охранять меня и приходить в дом Альва в любое время. А мне — право на то, чтобы никто не удивлялся, почему я всё время смотрю на северного варвара.

Пункт второй: я ничего не помню. Для всех. Включая отца, брата и дуэнью.

Пункт третий: никаких тайн друг от друга. Всё, что я узнаю, — ему. Всё, что он узнает, — мне.

— Пункт четвёртый, — сказала я. — Мне нужна лаборатория.

— Что?

— Лаборатория. Место, где я могу работать. Мне нужен перегонный куб. Колбы, реторты, стеклянные трубки. Спиртовки. Весы, хорошие, точные, аптекарские. Ступки. Фильтры — подойдёт плотная ткань или бумага. Кислоты, если у вас тут есть кислоты: купоросное масло, азотная, уксус крепкий. Известь. Соль. Металлы. И много, очень много чистой воды.

Рейнар смотрел на меня так, будто я заговорила на языке Нави.

— Зачем?

— Затем, что я токсиколог, капитан. Химик. — Я затушила сигару о перила. — Вера, судя по вашему рассказу, читала яд по телам. Я читаю его по веществу. На губах Инес остался осадок. Немного, но остался. Если я выделю его и пойму, из чего он состоит, я пойму, как он действует. А если пойму, как он действует…

— …то поймёте, как от него защититься, — медленно закончил он.

— Или найду, кто его сделал. По примесям. По способу очистки. По тому, на чём его растворяли. Каждый отравитель оставляет подпись, капитан. Как почерк. Нужно только уметь читать.

Он долго молчал. Потом кивнул.

— Перегонный куб есть у Бруно, — сказал он. — Это муж Тессы. Тесса — бывшая горничная из Чёрного Утёса, служила Вере. Она вышла замуж за винодела, живёт в долине, в получасе отсюда. У Бруно целая винокурня. Он гонит апельсиновую водку. Кубы, змеевики, бочки — всё есть.

— Прекрасно. Спирт мне тоже понадобится.

— Для анализа?

— И для анализа тоже, — сказала я.

Он засмеялся. Тихо, хрипло, неожиданно. Будто сам не ожидал.

* * *

Он ушёл тем же путём, что пришёл, — через перила, по плющу, вниз. Я смотрела, как его светлая голова исчезает в темноте сада.

Уже внизу, у фонтана, он обернулся и позвал шёпотом:

— Наталья Сергеевна.

— Что?

— Я написал Кассиану. Сегодня. Гонец уехал на закате. Если он меняет лошадей на каждой станции — письмо будет в Чёрном Утёсе через четыре дня. Ещё четыре — дорога обратно. Через восемь дней здесь будут они. Кассиан и Вера.

Восемь дней. Соколова. Живая.

Я вцепилась в перила.

— Она… она правда в порядке?

— Она счастлива, — сказал Рейнар Ардейн просто. — Кажется, впервые в жизни. Я не очень хорошо её знаю, но, по-моему, раньше она такой не была.

Не была, подумала я. Точно не была. Я шесть лет видела её в коридорах бюро — серую, сосредоточенную, вечно с кофе из автомата, вечно одну. Ни разу не видела, чтобы она смеялась.

— Спокойной ночи, — сказал Рейнар снизу.

— У нас так не говорят, — сказала я машинально. — На дежурстве. Плохая примета.

— Это не дежурство.

— Мы с вами только что договорились ловить отравителя за тридцать восемь дней, капитан. Это самое настоящее дежурство.

Он помолчал в темноте. Потом сказал:

— Тогда спокойного дежурства, Наталья Сергеевна.

И ушёл.

Я вернулась в комнату. Пилар храпела в кресле. Жёлтая птичка в клетке спала, спрятав голову под крыло.

Я прошла мимо зеркала, не глядя в него. Но краем глаза всё равно заметила: девушка в белой сорочке шла следом за мной.

На полшага позади.

Глава 5. Апельсиновая водка

День пятый из сорока

Лабораторию мы устроили в винокурне Бруно, в долине за городом. Официально — потому что донье Инес после болезни нужен свежий воздух. Неофициально — потому что в доме Альва за мной следили даже птицы.

Ехали в карете. Я, Рейнар и донья Пилар. Дуэнья отказалась отпускать меня наедине с женихом даже на полчаса: «До свадьбы — ни шагу, голубка, ни шагу, что люди скажут». Всю дорогу она перебирала чётки и сверлила Рейнара взглядом поверх них, а Рейнар смотрел в окно и делал вид, что его тут нет.

Я смотрела на Пилар.

Сухая, маленькая, в чёрном шёлке, с седыми волосами под кружевной мантильей. Морщинистое лицо, острые чёрные глаза, тонкие губы. Перчатки — кружевные, без пальцев, она не снимала их даже в доме. На шее — медальон на чёрной бархатной ленте. От неё по-прежнему пахло флёрдоранжем, сладко и тяжело.

Она любила Инес. Это было видно по каждому её движению. По тому, как она поправляла мне волосы, как подкладывала подушку под спину, как вздрагивала, когда карету трясло на ухабах. Такую любовь не сыграешь. Я двенадцать лет смотрела на родственников покойных и знала, как выглядит настоящее горе. У Пилар оно было настоящим.

Но было и что-то ещё. Что-то, что пряталось за горем, как тень за ширмой.

* * *

Винокурня стояла на склоне холма среди виноградников. Белый дом с плоской крышей, каменный сарай с медными кубами, бочки в тени оливковых деревьев. Пахло бродящим виноградом, апельсиновой коркой и спиртом. Над крышей сарая поднимался лёгкий дымок.

Нас встретила женщина. Круглолицая, румяная, загорелая, в соломенной шляпе и переднике, с мокрыми руками. Увидев Рейнара, она всплеснула ими так, что брызги полетели во все стороны.

— Капитан! Святая Грань, капитан! Что же вы не предупредили, я бы пирог…

Она осеклась, увидев меня. Посмотрела на мои синие ногти — я не успела спрятать руки в рукава. На мои губы. Лицо у неё изменилось. Побелело, потом покраснело, потом снова побелело.

— Тесса, — сказал Рейнар негромко. — Это донья Инес. Моя невеста. Ей нужно отдохнуть. Мы погуляем по виноградникам.

— Конечно, — пробормотала Тесса, не сводя с меня глаз. — Конечно, капитан. Донья Пилар, может быть, вы со мной на кухню? Я как раз пирог с инжиром… Вы ведь любите инжир?

Пилар колебалась. Посмотрела на меня, на Рейнара, на виноградники, где на солнце было жарко, как в печи. Потом на прохладную кухню, откуда пахло тестом.

— Недолго, — сказала она. — Голубка, не уходи далеко. И не снимай шляпку, солнце южное, сгоришь.

Когда она скрылась на кухне, Тесса тут же выскочила обратно. Схватила Рейнара за рукав.

— Капитан, — зашептала она. — Это… она… как миледи? Как Вера?

— Как Вера, — сказал Рейнар.

Тесса прижала ладони к щекам. Потом повернулась ко мне и вдруг, неожиданно, порывисто, обняла меня. Крепко, по-деревенски, пахнущая мукой и солнцем.

— Бедная вы, — прошептала она мне в плечо. — Бедная. Я знаю, каково это. Я видела, как миледи… как она мучилась. Сначала. Вы ничего не бойтесь. Тесса поможет. Тесса всё сделает. Что вам надо?

Я осторожно высвободилась.

— Мне нужен ваш муж, — сказала я. — И его перегонный куб.

* * *

Бруно оказался огромным, медлительным, молчаливым человеком с чёрной бородой и руками размером с лопату. Он ни о чём не спросил. Выслушал Тессу, посмотрел на меня, на Рейнара, на мой список, нацарапанный углём на обороте какого-то счёта, — и молча кивнул.

Через час у меня была лаборатория.

Угол каменного сарая, отгороженный бочками. Стол, сколоченный из досок. Маленький медный куб с тонким змеевиком — Бруно гнал в нём пробные партии. Стеклянные бутыли, воронки, кувшины. Аптекарские весы, которые Тесса притащила из деревни, выменяв у знахарки на две бутылки водки. Ступка с пестиком. Спиртовка — глиняная плошка с фитилём. Кусок мела, известь, уксус, соль. Купоросное масло нашлось у местного красильщика — Бруно привёз целую глиняную флягу, пахнущую так, что у меня заслезились глаза.

Не газовый хроматограф. Даже не школьный кабинет химии. Но я работала и в худших условиях. На выездах в область, в районной больнице, где из оборудования была только моя голова и чемоданчик с реактивами.

— Образцы, — сказала я Рейнару.

Он достал из-под мундира свёрток. Развернул на столе.

Половинка граната. Засохшая, потемневшая, с бурыми пятнами крови на зёрнах. Та самая, которую на обручении он протянул Инес.

— Я забрал её из часовни, — сказал он. — Той же ночью. Пока никто не успел выбросить. Ещё до того, как… как её нашли.

— Зачем?

Он помолчал.

— Привычка, — сказал он. — Кассиан четыре года хоронил невест, и никто не догадался сохранить Чашу. Мы её вымыли после каждого раза. Вымыли яд. Вымыли все следы. Я не хотел повторять.

Я посмотрела на него с уважением. Впервые.

— Хорошо, — сказала я. — Очень хорошо, капитан. Это вещественное доказательство. С ним можно работать.

Второй образец я взяла сама. С собственных губ. Ожог подсох, но вокруг него, в складках кожи, ещё оставалась тончайшая серебристая плёнка. Я соскоблила её чистым ножом на кусочек стекла. Рейнар отвернулся, пока я это делала.

* * *

Я работала до вечера.

Это было долго, грязно и скучно — так всегда выглядит настоящая химия, что бы там ни показывали в сериалах. Вымачивание зёрен в спирте. Фильтрование через трижды сложенную льняную ткань. Выпаривание над спиртовкой. Осадок — серебристый, блестящий, как ртуть, только не жидкий, а похожий на тончайшую металлическую пыль. Проба на кислоту. Проба на щёлочь. Проба на огонь — капля в пламя спиртовки, и пламя на мгновение вспыхнуло не жёлтым, а белым, ослепительным, холодным, как вспышка магния.

— Что это значит? — спросил Рейнар.

Он не уходил. Сидел на бочке у двери, курил свои сигары и смотрел, как я работаю. Время от времени выходил, чтобы отвлечь Пилар, которая порывалась идти искать «голубку». Возвращался и снова смотрел.

— Не знаю, — честно сказала я. — У нас в мире нет вещества, которое так горит. Это что-то… ваше. Магическое, если хотите.

— Вдовий шёлк.

— Наверное. Но это не всё.

Я поднесла к носу стекло с выпаренным остатком. Осторожно, издалека, рукой подгоняя запах к лицу, как учили на первом курсе.

Лилии. Тяжёлые, сладкие, с металлом. Это я ожидала: Рейнар рассказывал, что вдовий шёлк пахнет лилиями.

А под лилиями — ещё что-то. Тонкое, горьковатое, цветочное. Очень знакомое.

— Флёрдоранж, — сказала я.

— Что?

— Нероли. Масло из цветов апельсина. Яд растворили в нём. На севере, судя по вашим рассказам, его наносили на край чаши кистью, и в чём его разводили, никто не проверял. Здесь — в апельсиновом масле. — Я подняла на него глаза. — Это значит, что яд готовили здесь. На юге. Не привезли готовым. Сделали на месте. Кто-то, у кого есть доступ к серебряной лилии и к маслу нероли.

Рейнар медленно опустил сигару.

— Нероли здесь есть в каждом доме, — сказал он. — Им душат постельное бельё, им умываются, его капают в воду для питья. Апельсиновые сады вокруг города тянутся на десятки миль.

— Знаю, — сказала я. — От вашей невесты пахнет нероли. От её подушки пахнет нероли. От вашего мундира, кстати, тоже.

— От дуэньи, — сказал он тихо.

— От дуэньи, — согласилась я. — И от половины Валенсоры.

Мы помолчали.

— Это не доказательство, — сказал он наконец.

— Это не доказательство, — согласилась я. — Это подпись. Отравитель местный. Он живёт здесь, знает здешние обычаи и пользуется здешними вещами. И ещё одно.

Я взяла пинцет — щипчики для бровей, позаимствованные у Инес, — и подцепила из осадка крошечную частицу. Положила на чистое стекло. Поднесла к свету.

Под лупой — Тесса нашла её у деревенского часовщика — частица была не серебряной. Красноватой. Прозрачной, как рубин.

— Что это?

— Не знаю, — сказала я. — Но в осадке с моих губ этого нет. Это только с граната. Значит, это не часть яда. Это что-то, что было на гранате до того, как на него нанесли яд. Или после.

— Кровь? — предположил Рейнар.

— Кровь была бы бурой. — Я покачала головой. — Это минерал. Кристалл. Очень маленький. Будто от чего-то отломился.

* * *

Мы возвращались в город на закате. Пилар дремала в углу кареты, сытая пирогом с инжиром и тремя рюмками апельсиновой водки, которые ей подливала Тесса. Я сидела у окна с гранатом, завёрнутым в платок, у себя на коленях.

На въезде в город карета замедлила ход. Улица сужалась, по обе стороны поднимались белые дома в три этажа, с балконами и цветочными горшками на подоконниках. Где-то впереди звонили колокола и пели — нестройно, многоголосо.

— Процессия, — сказал Рейнар, выглянув в окно. — Святая стража. Вечерний ход к собору. Придётся переждать.

Карета встала.

Я выглянула тоже. По улице, нам навстречу, шли люди в белом. Белые плащи до земли, белые капюшоны, в руках — длинные свечи и фонари на шестах. На груди у каждого вышиты золотом знакомые ворота: две вертикальные черты и дуга. Впереди шёл высокий худой человек

без капюшона. Бритая голова, острые скулы, глубоко посаженные глаза. Он шёл и пел, и голос его был сильным, красивым, низким.

Он поравнялся с нашей каретой. Повернул голову.

И посмотрел на меня.

Не мельком, не случайно. Прямо, в упор. Долгим, пристальным, тяжёлым взглядом, будто знал, кто сидит в карете, и шёл сюда специально, чтобы на меня посмотреть.

Я не отвела глаз. Он тоже.

— Отец Матиас, — сказал Рейнар очень тихо, у самого моего уха. — Великий дознаватель ордена «Свет Грани». Тот, кто сжигает одержимых на площади. Не смотрите на него.

— Он смотрит на меня.

— Знаю. Поэтому не смотрите.

Я отвернулась. Сердце колотилось где-то в горле.

Процессия прошла. Колокола стихли. Карета тронулась.

И в ту же секунду сверху, с третьего этажа, с балкона, сорвался тяжёлый каменный горшок с геранью.

Рейнар рванул меня на себя. Горшок пробил крышу кареты там, где только что была моя голова, и разлетелся осколками по сиденью. Земля, черепки, красные цветы — всё посыпалось на меня, на платок с гранатом, на завизжавшую спросонья Пилар.

Рейнар выскочил из кареты. Я — следом, хотя он кричал, чтобы я осталась.

Балкон над нами был пуст. Окно распахнуто, занавеска колышется на ветру.

А на крыше, на самом краю, на фоне закатного неба, на мгновение мелькнула фигура. В белом плаще. С капюшоном.

Потом исчезла.

Глава 6. Дон Мигель

День седьмой из сорока

Следующие два дня я была образцовой невестой.

Лежала в постели. Пила бульон, который Пилар приносила на подносе и пробовала при мне первой. Позволяла лекарю — он вернулся раньше срока, напуганный слухами, — щупать мне пульс, заглядывать в горло и вздыхать над моими ногтями. Улыбалась отцу, когда он заходил по вечерам. Молчала, когда заходил брат.

Диего заходил редко. Стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел. Он был красив, как Инес, — те же тёмные кудри, те же янтарные глаза, только лицо жёстче, а губы тоньше. И он мне не верил. Ни на секунду.

— Горшок упал случайно, — сказал он мне на второй вечер. — Ветер. Хозяйка дома клянётся, что не ставила его на край. Но он упал.

— Я знаю, — сказала я.

— Ардейн говорит, что видел на крыше человека в белом.

— Я тоже видела.

— Ардейн говорит много чего. — Диего помолчал. — Ты раньше никогда с ним не соглашалась, Инес. Ни разу. Ты называла его сосулькой. Ты швырялась в него апельсинами.

— Я ничего не помню, Диего.

— Да, — сказал он медленно. — Это я уже слышал.

Он ушёл. А я долго лежала и смотрела в потолок, расписанный розовыми облаками и пухлыми младенцами с крылышками.

Внимательный мальчик. Слишком внимательный.

* * *

Мне нужно было узнать, кем была Инес. Не по рассказам. По следам.

Её комната оказалась бесполезной. Платья, веера, туфли, ленты, флаконы с духами — все с нероли, — шкатулки с украшениями, пачки писем от подруг, полные сплетен о кавалерах и нарядах. Ни дневника, ни тайника, ни одной бумажки, которую можно было бы назвать важной.

Слишком чисто. Так чисто бывает в комнатах, которые кто-то убрал после смерти хозяйки.

— Голубка ходила молиться, — рассказала мне Пилар, когда я осторожно спросила, что Инес делала по вечерам. — Каждую ночь. В фамильный склеп, к могиле матушки. Сидела там часами. Я говорила: не ходи, простудишься, там сыро. Не слушалась. Она никого никогда не слушалась, моя девочка.

— Одна ходила?

— Одна. Меня не пускала. — Пилар вздохнула и перекрестилась воротами. — Говорила, с матушкой хочет поговорить. Без свидетелей.

Каждую ночь. Часами. Без свидетелей.

Я не верила, что избалованная, капризная, злая на весь мир Инес де Альва ходила по ночам в сырой склеп молиться за мать, которую никогда не знала.

* * *

Склеп рода Альва находился под домашней часовней — той самой, где проводили обручение. Я спустилась туда в полночь, когда дом уснул. В ночной сорочке, в шали, со свечой в руке. Пилар спала. Охранник у моей двери — Рейнар поставил своего человека, высокого молчаливого северянина по имени Олаф, — пропустил меня, кивнув. Он, видимо, получил приказ: не мешать, но следить.

Каменная лестница вниз. Ступени стёртые, скользкие. Холод — внезапный после дневной жары, как будто спускаешься в погреб.

Склеп оказался красивым. Совсем не похожим на подземелья, которые я себе представляла. Своды, расписанные звёздами по тёмно-синему. Мраморные надгробия с резными фигурами — рыцари в доспехах, дамы в длинных платьях, с собачками у ног. Ниши с урнами. Свечи в железных подсвечниках, давно погасшие.

Могила матери Инес — донья Каталина де Альва, двадцать два года, умерла родами — была в самом конце. Белый мрамор, статуя молодой женщины со скрещёнными на груди руками. Лицо у статуи было точь-в-точь как у Инес. Как у меня сейчас.

Я поставила свечу на постамент и огляделась. Где здесь можно спрятать то, что не хочешь показывать дуэнье?

— Под левой рукой, — сказал кто-то за моей спиной.

Я подпрыгнула и чуть не опрокинула свечу.

На соседнем надгробии, массивном, тёмном, с резными гербами, сидел человек.

Пожилой. Худой, как жердь. В чёрной сутане до пят, с белым воротником, с тяжёлой золотой цепью на груди, на которой висели те же ворота. Лицо длинное, лошадиное, с крючковатым носом и тонкими сардоническими губами. Седые волосы, остриженные в кружок. Глаза — тёмные, глубоко посаженные, насмешливые.

И сквозь него просвечивало надгробие.

Я стояла и смотрела на него. Он смотрел на меня.

— Ну? — сказал он. — Чего уставилась? Привидений не видела?

— Не видела, — сказала я честно.

— Ну так посмотри. Вот. — Он развёл руками. — Дон Мигель Хуан Батиста де Альва-и-Торрес, великий дознаватель юга, умер двести тринадцать лет назад от несварения желудка на пиру в честь собственного юбилея. Не самая героическая смерть, согласен. Зато быстрая.

— Наталья, — сказала я машинально.

— Знаю, что Наталья, — сказал призрак. — То есть не знаю, но догадываюсь, что не Инес. Инес меня не видела. Ни разу за все годы. Сидела вот тут, под самым носом, и не видела. Писала свои письма. А ты не успела войти — и уже уставилась прямо на меня. — Он прищурился. — Знаешь, кто видит мёртвых?

— Некроманты?

— Некроманты, — согласился он. — И те, кто сам наполовину мёртв. Кто стоит одной ногой здесь, а другой — там. — Он ткнул длинным прозрачным пальцем куда-то вниз, в пол. — Ты чужая, девочка. От тебя пахнет чужим ветром. И отражение у тебя отстаёт. Я видел, как ты прошла мимо надгробного зеркала у входа.

— Сколько? — спросила я.

— Что — сколько?

— Сколько отстаёт. Вы видели раньше таких, как я?

Призрак помолчал. Насмешка ушла с его лица, и стало видно, что он очень старый и очень усталый.

— Видел, — сказал он. — При жизни. Я сжигал их, девочка. Это была моя работа. Одержимые. Душа в чужом теле. Отражение отстаёт. К сороковому дню — уходит. — Он посмотрел на свои прозрачные руки. — Триста одиннадцать человек за тридцать лет службы. Я считал. Я любил считать.

— Сколько из них были одержимы?

Он молчал так долго, что я подумала, он не ответит.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Тогда я думал, что все. Теперь думаю, что, может быть, трое. Или четверо. Остальные были просто сумасшедшие. Или неудобные. Или красивые, а их мужья хотели жениться снова. — Он поднял на меня глаза. — Я сижу здесь двести тринадцать лет, девочка. Не могу уйти. Грань меня не пускает. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что они все стоят там. По ту сторону. Триста одиннадцать человек. И ждут меня.

* * *

— Под левой рукой, — повторил дон Мигель, когда я наконец пришла в себя. — У статуи доньи Каталины. Там ниша. Инес клала туда письма.

Я подошла к статуе. Провела пальцами под мраморной ладонью, сложенной на груди. Камень был гладкий, холодный. А потом под пальцами нашлась щель. Узкая, как прорезь почтового ящика.

Пустая.

— Ничего нет, — сказала я.

— Конечно, нет, — сказал призрак. — Их забирали. Каждую неделю. Она клала письмо, а через день-два его забирали. И клали ответ.

— Кто?

Дон Мигель задумчиво почесал прозрачный подбородок.

— Сначала — мальчишка, — сказал он. — Молодой, тощий, лохматый, с краской на пальцах. Приходил через садовую калитку. Она ждала его здесь. Они… — он поморщился, — разговаривали. Очень громко разговаривали, если ты понимаешь, о чём я. Двести тринадцать лет — и я до сих пор не привык к нынешней молодёжи.

— Художник, — пробормотала я. — Краска на пальцах.

— Может быть. А потом, месяца за два до обручения, стал приходить ещё один. Мальчишка тоже бывал, только реже и всё мрачнее. А этот — каждую неделю.

— Кто?

— Старик, — сказал дон Мигель. — Седой. С бородой. В серой мантии. Хромал на левую ногу. Очень добрый с виду. Улыбался всё время. Знаешь, такие, которые улыбаются, когда тебе плохо. Он с ней говорил подолгу. И приносил ей пузырьки.

По спине у меня пробежал холод.

— Пузырьки?

— Маленькие. Стеклянные. Она их прятала в корсаж. Я спросил её однажды — громко спросил, прямо в ухо, — что это, девочка, что ты делаешь? Она меня, конечно, не услышала. Но поёжилась. — Призрак помолчал. — А в последний раз, за неделю до граната, старик пришёл не один. С ним была женщина. В чёрном. В кружевных перчатках. Она стояла вон там, у лестницы, и плакала.

Он показал пальцем на ступени.

Я смотрела на ступени. На пустую лестницу, по которой я только что спустилась.

Чёрное. Кружевные перчатки без пальцев. Слёзы.

— Дон Мигель, — сказала я очень тихо. — Вы готовы рассказать всё это ещё раз? Не мне. Капитану Ардейну. А может быть, его кузену, некроманту. Он умеет разговаривать с мёртвыми.

Дон Мигель де Альва-и-Торрес, великий дознаватель юга, сжёгший триста одиннадцать человек, долго смотрел на меня из-под седой чёлки.

— Ты хочешь найти того, кто тебя сюда притащил, — сказал он.

— Хочу.

— И не дать ему сделать это с кем-нибудь ещё.

— Да.

Он вздохнул. Прозрачная грудь поднялась и опустилась, хотя дышать ему было совершенно незачем.

— Триста одиннадцать, — сказал он. — Может быть, если я помогу тебе, их станет на одного меньше. Тех, кто меня ждёт.

Он соскочил с надгробия и подошёл ко мне. От него веяло холодом, как от открытого холодильника.

— Приводи своего некроманта, — сказал призрак. — Но предупреждаю, девочка: если он попробует меня упокоить, я буду кусаться.

Глава 7. Капитан Сосулька

Рейнар. День восьмой из сорока

Она рассказала мне про склеп утром, на террасе, за завтраком. Пилар ушла к мессе. Слуги убрали со стола. Мы остались вдвоём на полчаса — неслыханная роскошь для жениха и невесты в доме Альва.

Она говорила коротко и чётко, как зачитывают протокол. Призрак великого дознавателя. Ниша под рукой статуи. Художник с краской на пальцах. Старик с пузырьками.

— Седой, с бородой, в серой мантии, — повторила она. — Хромает на левую ногу. Улыбается всё время. Вам это о ком-нибудь говорит?

Я поставил чашку на стол. Очень осторожно, потому что руки опять начали трястись.

— Магистр Хейл, — сказал я. — Королевский целитель. Учитель моего кузена. Человек, который сорок лет лечил королевскую семью и двадцать лет помогал моей матери убивать невест Ардейнов.

Наталья Сергеевна смотрела на меня поверх своей чашки.

— Вашей матери? — переспросила она медленно.

Я рассказал ей. Всё. Про Ингрид, про серебряную лилию в оранжерее, про иглу и хрустальные флаконы. Про ночь на тридцатый день, когда мать проглотила сок лилии и перерезала собственную клятву, чтобы обрушить Грань. Про то, как я стоял на стене и смотрел на море, из которого шли мёртвые, и думал: это сделала она. Женщина, которая пела мне колыбельные.

Я никому этого не рассказывал. Даже Тессе. Даже себе — по ночам, когда не спалось.

А ей рассказал. За завтраком, на солнечной террасе, между кофе и апельсинами. Она слушала, не перебивая, и смотрела не на меня, а куда-то мне в плечо, как смотрят врачи, чтобы не смущать больного.

Когда я закончил, она долго молчала.

— Вам надо было кому-нибудь это сказать, — сказала она наконец. — Раньше. Полгода назад.

— Я сказал. Вам.

— Я не психотерапевт, капитан. Я химик.

— Я не знаю, что такое психотерапевт.

— Это человек, которому платят, чтобы он слушал. — Она отпила кофе. — У нас их много. Но я бы вам не рекомендовала. Они в основном задают вопросы и кивают.

— А вы?

— А я в основном анализирую осадок, — сказала Наталья Сергеевна. — Ваш осадок, капитан, называется посттравматическое расстройство, отягощённое алкоголем. Вы пьёте каждый вечер. У вас трясутся руки по утрам. Вы не спите. И вы до сих пор ждёте, что кто-нибудь придёт и скажет вам, что вы не виноваты.

Я смотрел на неё.

— А я не виноват? — спросил я.

— Понятия не имею, — сказала она. — Я вас знаю неделю. Но, по моему опыту, люди, которые действительно виноваты, обычно об этом не беспокоятся.

* * *

Она была совершенно не похожа на Ориану.

Я поймал себя на этой мысли к концу первой недели — и рассердился на себя. Нечестно сравнивать. Глупо. Ориана была мертва четыре года. А эта женщина вообще не была той, кем выглядела.

Но я сравнивал.

Ориана была огнём. Гордая, вспыльчивая, яркая, как пламя в камине. Она смеялась громко, злилась громко, любила громко. С ней нельзя было говорить вполголоса.

Наталья Сергеевна была льдом. Не холодным — прозрачным. Сквозь неё было видно, как она думает. Быстро, точно, без лишних движений, как работают её руки над колбами. Она почти никогда не улыбалась. Зато когда улыбалась — коротко, одним уголком рта, — это было как трещина во льду, сквозь которую вдруг пробивается солнце.

Она курила мои сигары и ругала их. Пила кофе без сахара, крепкий, как дёготь. Говорила на своём языке, когда злилась, — короткие, резкие, грубые слова, которые, судя по всему, были ругательствами. Учила меня им. Я выучил три. Она сказала, что этого хватит на всю жизнь.

Она называла меня «капитан». Всегда. Ни разу — по имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.